«Я ему цитату, а он мне — ссылку». Как убивали Карла Радека

«Точно так же, как есть люди, не различающие цвета, Радек не воспринимал моральные ценности, — писала социалистка Анжелика Балабанова о члене ЦК РКП(б) и секретаре Исполкома Коминтерна. — В политике он менял свою точку зрения очень быстро, присваивая себе самые противоречивые лозунги. Как выдающийся журналист Радек получал распоряжения писать определенные вещи, якобы исходившие не от правительства или Ленина, Троцкого или Чичерина, чтобы посмотреть, какова будет реакция в Европе. Если реакция была неблагоприятная, от статей официально отрекались. Более того, сам автор отрекался от них».

Еврей из Галиции

Карл Собельсон, родившийся в ничем не примечательной еврейской семье

(отец — скромный почтовый служащий, мать — учительница) в Лемберге, стал Радеком после того, как семья переехала в Тарнау (ныне Тарнув, Польша). Юноша вступил в Польскую социал-демократическую партию Галиции и начал убеждать рабочих в преимуществах социализма. Поскольку все революционеры брали себе партийные псевдонимы, он выбрал Radek — в честь популярного героя, этакого австрийского Швейка, кочевавшего по страницам юмористических журналов. Окончив исторический факультет Краковского университета и будучи членом самой радикальной революционной партии — РСДРП, в 1905-м он перебирается в Варшаву, сближается с Розой Люксембург, вместе с ней призывает к свержению «прогнившего буржуазного строя». Отсидев полгода, на воле Карл пробыл недолго, вновь был арестован, но на этот раз польские власти решили выслать из страны смутьяна, продолжавшего мечтать о мировой революции.

Когда разразилась Первая мировая, Радек был вынужден переехать в нейтральную Швейцарию. Где и сблизился с ленинским окружением, которое охотно приняло молодого, энергичного публициста, хорошо знавшего польский, немецкий и русский (выучил в тюрьме) языки. Когда в России грянула Февральская революция, ему доверили ответственное и деликатное задание — вместе с двумя закаленными революционерами, Воровским и Ганецким, содействовать беспрепятственному проезду Ленина и его ближайших соратников в Россию через Германию. Все трое с поставленной задачей справились: вождь со товарищи благополучно вернулись в Россию. Куда — уже после октябрьского переворота — приехал и Карл Радек.

В чем разница между Сталиным и Моисеем

Молва приписывала старому большевику и журналисту, за которым в партии прочно закрепилась репутация циника, шутника и острослова, авторство почти всех политических анекдотов.

С дочерью

Сошлюсь на свидетельство бежавшего на Запад Бориса Бажанова, секретаря Сталина в 1923 — 1927 гг. «Порядочную часть советских и антисоветских анекдотов сочинял Радек, — вспоминал Бажанов. — Вот два наиболее характерных — о роли евреев в руководящей верхушке. Первый: два еврея в Москве читают газеты. Один говорит другому: «Абрам Осипович, наркомом финансов назначен какой-то Брюханов. Как его настоящая фамилия?» Абрам Осипович отвечает: «Так это и есть его настоящая фамилия» (Брюханов занимал пост министра с 1926 по 1930 г., расстрелян в 1938-м, — А. Д.). «Слушайте, эти русские — удивительная нация: всюду они пролезут». А когда Сталин удалил Троцкого и Зиновьева из Политбюро, Радек при встрече спросил меня: «Товарищ Бажанов, какая разница между Сталиным и Моисеем? Не знаете. Большая: Моисей вывел евреев из Египта, а Сталин — из Политбюро».

Анекдоты Радека Бажанов предваряет рассуждениями об антисемитизме советского вождя и германского рейхсканцлера: «Характерно, что антиеврейскую линию Сталина еврейская диаспора до самой войны не поняла. Неосторожный антисемит Гитлер рубил с плеча, осторожный антисемит Сталин все скрывал. И до самого «дела врачей» еврейское общественное мнение просто не верило, что коммунистическая власть может

быть антисемитской... Это выглядит парадоксально, но к старым видам антисемитизма (религиозному и расистскому) прибавился новый — антисемитизм марксистский...»

Вот этот «марксистский антисемитизм» одним из первых и заметил Карл Радек.

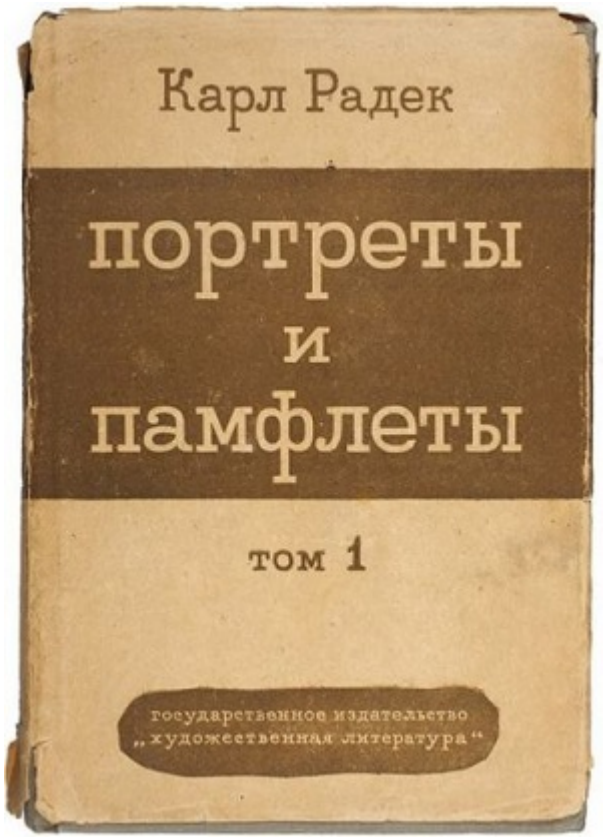
«Немец № 1»

Среди большевиков «еврей из Галиции» считался «немцем № 1» — специалистом по германским делам. Когда в ноябре 1918-го в Германии рухнул режим кайзера и возникла Веймарская республика, Ленин отправил своего советника в Германию, считая, что революцию надо продолжать и немецким товарищам всенепременно требуется помощь. В лице Карла Радека. Вождь верил, что тот сделает все, чтобы в Германии, как и в России, революция победила. Но просчитался: революция в Берлине захлебнулась.

Вождей Коммунистической партии Розу Люксембург и Карла Либкнехта арестовали, а затем убили. Карла Радека посадили в тюрьму Моабит, но доказать его непосредственную причастность к уличным беспорядкам власть не сумела, и большевистского посланца были вынуждены освободить.

Вернувшись в Москву, Радек на протяжении нескольких лет продолжал заниматься немецкими делами. В октябре 1920-го вновь добрался до Германии, где пытался создать «единый фронт» коммунистов и социал-демократов. Не получилось.

В январе 1922-го вел в Берлине секретные переговоры с командующим рейхсвером генералом Хансом фон Сектом — пытался добиться для Москвы германской военной помощи. Не вышло.

В августе 1923-го на заседании Политбюро ЦК РКП (б) Карл предложил организовать вооруженное восстание в Германии. Сталин сомневался, однако комитет для подготовки восстания под руководством Радека все-таки создали. Он выехал в Берлин, но руководство Компартии восстание отменило, захват власти не состоялся. Радек вернулся в Москву ни с чем, его обвинили во всех неудачах очередной германской революции и вывели из Исполкома Коминтерна и ЦК РКП (б). Это было серьезное поражение.

Не на ту лошадь

Но он не сдался. Решил бороться, включился в межпартийную борьбу, но поставил не на ту лошадь. Основная борьба развернулась между Сталиным, избранным в апреле 1922 года генеральным секретарем партии, и Троцким, занимавшим пост председателя Реввоенсовета. Они расходились по всем вопросам и, кроме всего прочего, на дух не переносили друг друга. Партия раскололась на тех, кто поддержал Сталина, и тех, кто пошел за Троцким.

Радек поддержал «комиссара в кожаной куртке». И, не предвидя последствий, опубликовал 14 марта 1923 года в «Правде» хвалебную статью «Лев Троцкий — организатор победы», в которой превозносил «первого организатора первой армии пролетариата». Но этого ему показалось мало. Только такой человек, как Троцкий, убеждал читателей Радек, «мог сделаться знаменосцем вооруженного трудового народа».

Верный соратник генсека Ворошилов обвинил Радека в том, что тот плетется в хвосте у Льва Троцкого. Остроумец огрызнулся:

Ах, Клим, пустая голова,

Навозом доверху завалена!

Не лучше ль быть хвостом у Льва,

Чем задницей у Сталина?

В те годы оппозиционеров не сажали, им даже разрешали оставаться на ответственных постах. «Хвост Льва» с 1925 по 1927 г. возглавлял Коммунистический университет трудящихся Востока им. Сунь Ятсена, о котором с присущим ему цинизмом отзывался следующим образом: КУТВ — это учебное заведение, в котором польские и немецкие евреи по-английски читают лекции китайцам о том, как делать революцию по-русски.

В октябре 1927-го вождей оппозиции Троцкого и Зиновьева вывели из Политбюро, Каменева — из ЦК ВКП (б) и исключили из партии. Через год Сталин вышлет Троцкого в ссылку в Алма-Ату, в 1929-м — за границу, а в 1940-м достанет в Мексике — ледоруб Меркадера поставил точку во всех идейных и личных расхождениях. Зиновьева и Каменева переведут на незначительные должности. В 1936-м обоих расстреляют. Не забудет вождь и о Радеке — но ограничится исключением из партии и ссылкой. Когда опальный троцкист

отправился в заснеженную Сибирь, он сказал: «Со Сталиным трудно спорить: я ему цитату, а он мне — ссылку».

Карл Радек с леди Астор, первой женщиной — депутатом Палаты общин Великобритании

Раскаяние и покаяние

Весной 1929 года Радек вернулся в Москву. Летом вместе с другими видными троцкистами написал в ЦК письмо, раскаявшись в бывших грехах, и заявил «об идейном и организационном разрыве с троцкизмом». Ему разрешили покаяться публично. Что он и сделал: с жаром и пафосом стал разоблачать себя и троцкизм на страницах «Правды» и «Известий». А осенью завершил свой «разрыв» тем, что сдал властям резидента ОГПУ на Ближнем Востоке Блюмкина, передавшего ему письмо Троцкого.

«Очищение» Радека не прошло незамеченным. В январе 1930 года его восстановили в партии, а в 1932-м назначили на ответственный пост заведующего Бюро международной информации ЦК ВКП (б). И дали квартиру в Доме правительства. Он вновь вошел в партийную номенклатуру — и надо

было соответствовать, доказывать верность коммунистическим идеалам, то есть «вождю мирового пролетариата» и «величайшему гению всех времен и народов».

Как в 1920-е он воспевал Троцкого, так в 1930-е он стал петь Сталина. Апофеозом явился очерк «Зодчий социалистического общества», где Радек превзошел самого себя: это был панегирик вождю, который даже на фоне безудержных восхвалений отличался славословием и восхвалением всех мыслимых (и немыслимых) его заслуг. «Хвост» Троцкого превратился в «задницу» Сталина.

Вождь превращение оценил и привлек Радека вместе с Бухариным к работе по проекту его — сталинской — конституции. Впрочем, когда ферзь решил, что дальнейшее использование пешки более нецелесообразно, Радека смахнули с политической доски. Осенью 1936-го его снова исключили из партии, во второй раз арестовали, но не сослали, как в 1927-м, а привлекли к открытому процессу по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра» (Второй московский процесс), где он, по задумке «гения всех времен и народов», должен был стать одной из главных фигур. И он такой фигурой стал, и роль, придуманную и расписанную «кремлевским горцем», сыграл. С присущим ему артистическим блеском.

«Актер» и «режиссер»

Оставшийся на Западе резидент советской разведки Александр Орлов (Лев Фельдбин) утверждает, что Сталин во время следствия встретился с Радеком, поначалу не желавшим признаваться в своих «преступлениях». Если такая встреча действительно состоялась, то можно представить, о чем шел разговор. Очевидно, генсек дал Радеку честное слово, что если тот даст нужные показания на себя и других (в том числе, на своего друга — редактора «Известий» Бухарина), ему сохранят жизнь. И умник и скептик Радек поверил «правдивому и честному» большевику Сталину. Купился (на кону стояла жизнь) — и согласился играть предложенную ему роль «кающегося грешника» в очередном кремлевском спектакле. (Заполняя в тюрьме анкету, Радек на вопрос, чем он занимался до революции, написал: «Сидел и ждал». Следующим шел вопрос: «Чем занимались после революции?». Ответ: «Дождался и сел», — прим. ред.).

«Актер» сыграл свою роль талантливо. Когда прокурор Вышинский предоставлял ему слово, Радек «искренне» каялся в «грехах», неистово «разоблачал» свою «заговорщицкую деятельность», с неподдельным гневом обличал Зиновьева и Каменева, требуя их «сурового наказания» и… горячо отрицал применение пыток на следствии.

Прокурор Вышинский зачитывает приговор Радеку на Втором московском процессе

На скамье подсудимых сидели 17 человек. Из них 13 были приговорены к расстрелу. Двоих расстреляли позже (приговор был вынесен заочно). И только Радеку и Сокольникову удалось избежать казни, но не гибели.

После ареста Радека кто-то из бесстрашных остроумцев пустил по Москве такой анекдот. В камере на Лубянке трое. По традиции все спрашивают друг

друга: «За что?» Один отвечает: «Я — за то, что ругал видного партийного деятеля Радека». Другой: «Я — за то, что поддерживал проклятого врага народа троцкиста Радека». Третий: «А я, извините, сам Карл Радек...».

Улыбка Радека

Сталин разрешил присутствовать на процессе Лиону Фейхтвангеру, который вспоминал, что самое яркое впечатление из всех подсудимых на него произвел Радек — в коричневом пиджаке, с безобразным худым лицом, обрамленным каштановой бородой, он вел себя хладнокровно, иронично, немного позируя и «слегка посмеиваясь над остальными обвиняемыми, показывая свое превосходство актера, — надменный, скептический, ловкий, литературно образованный». А после того, как судья зачитал приговор, появились солдаты и один из них «положил Радеку руку на плечо, по-видимому, предлагая ему следовать за ним. И Радек пошел. Он обернулся, приветственно поднял руку, почти незаметно пожал плечами, кивнул остальным приговоренным к смерти, своим друзьям, и улыбнулся».

В этой немой драматической сцене улыбка обреченного человека больше всего поразила мастера психологической прозы.

Приговор — 10 лет тюрьмы — огласил председатель Военной коллегии Верховного суда СССР Вальтер Ульрих. Заключенного этапировали в Верхнеуральский изолятор — известную еще с царских времен тюрьму, в советское время служившую политическим изолятором ОГПУ-НКВД.

«Шутить не любит Джугашвили...»

Сталин сдержал обещание: Радека не расстреляли. Его забили насмерть в тюрьме 19 мая 1939 года. По указанию наркома внутренних дел СССР Берии и его заместителя Кобулова, получивших прямой приказ вождя, в изоляторе была спровоцирована драка Радека с заключенным Мартыновым, но провокатор с заданием не справился — убить «политического» не удалось. Тогда устроили вторую драку. Радек пытался сопротивляться, как и в драке с Мартыновым, но без особого успеха — на этот раз силы были неравны. Отбывавший срок Степанов, бывший комендант НКВД Чечено-Ингушской АССР (в официальном акте администрации тюрьмы проходил как «троцкист» — то есть «свой» напал на «своего») бросил Радека на цементный пол, расшиб голову, на шее образовались кровоподтеки, горлом пошла кровь…

Еще в 1929-м, за десять лет до гибели Радека, троцкисты в своем кругу распевали:

Мы оппозицию разбили:

Кого в Сибирь, кого в тюрьму.

Шутить не любит Джугашвили.

Хвала ему, хвала ему!

А затем, после слов об отправке Троцкого за границу, шли слова о Радеке:

И если Радек вновь покажет,

Разинув пасть, враждебный клык,

То некто в бурке грозно скажет:

«Руби в шашлык, руби в шашлык!»

Они хорошо знали, с кем имеют дело.

С женой и дочерью

Под корень

Сталин всегда уничтожал не только своих врагов и противников, но и членов их семей. Он не спешил, делал это по-разному в разное время. Через два года после ареста Радека, в июне 1938-го, его жена Роза Маврикиевна и дочь Софья по решению Особого совещания при НКВД СССР были высланы в Астрахань на пять лет. Но этим дело не ограничилось: в ссылке жену «врага народа» арестовали, дали ей восемь лет и отправили по этапу в один из самых страшных лагерей — в Потьму, где она и умерла…

Софья провела в Астрахани четыре года, затем ее выслали в Казахстан, а в 1947-м — в Александров. Но память о «врагах народа» у органов была долгая — вскоре ее арестовали и отправили в Инту. Ей повезло: она выжила и в 1961 году вернулась в Москву.

Андрей Днепров